

Не касаясь лба профессора Макгонагл снова, они посмотрели друг на друга и послушно вернулись в свои комнаты. Гарри взволнованно спросил: — А что насчет Джулиана? Каждый из нас снял по 50 очков с дома, в целом мы лишили Гриффиндора 250 очков. Ранее у нас еще была надежда на победу в Кубке Академии в этом году. Теперь нас просто затопчут остальные. Смотрев на встревоженного Гарри, Джулиан спокойно ответил: — Все в порядке, Гарри, не нервничай, я же говорил, что профессор Дамблдор дал нам записку. — Но письмо одобрения не означает, что нам простят то, что мы взорвали женский туалет, — нетерпеливо сказал Гарри. — Взорвали женский туалет? Что вы натворили? — спросила Гермиона с недоумением. — Оставь нас в покое, что ты делаешь с Роном и Невиллом? — подозрительно спросил Джулиан. — Гермиона беспокоилась, что вы не справитесь, поэтому она позвала меня и Невилла, чтобы помочь вам, — ответил Рональд. — О, забудь об этом, думаю, нам стоит пойти к профессору Дамблдору завтра утром, — произнес Джулиан с подавленным настроением. После тишины ночи, на следующее утро, когда Малфой, Крабб и Гойл вновь вошли в общую комнату Гриффиндора, Гарри и остальные уже были готовы. Джулиан сказал Малфой: — Малфой, иди с нами, нам нужно пойти в кабинет директора, и я не думаю, что ты хочешь потерять еще пятьдесят очков. Малфой кивнул сдержанно, и они направились в кабинет директора. Он постучал в дверь, и через некоторое время она открылась автоматически. Дамблдор посмотрел на нескольких маленьких волшебников перед собой и странно улыбнулся. — Входите, мальчики, — сказал он. Джулиан посмотрел на Дамблдора, не зная, что сказать, затем толкнул Гарри, а Гарри, не зная, что ответить, толкнул Малфоя снова. Видя, как маленькие волшебники толкают друг друга, профессор Дамблдор улыбнулся и сказал: — Профессор Макгонагл уже доложила мне о том, что произошло прошлой ночью. Я думаю, вы должны ясно понимать, насколько серьезно вы навлекли неприятности. Джулиан поспешно сказал: — Но разве вы не сказали, что можете одобрить записку для нас? — Тем не менее, это не включает в себя взрыв женского туалета на шестом этаже. Мистер Уилис, хотя я и знаю, что вы не сделали это преднамеренно, лучше, чтобы как можно меньше людей знали о драконе. Поскольку профессор Макгонагл считает, что вы совершили что-то плохое в женском туалете на шестом этаже, пусть она это поймет. Увидев, что Джулиан продолжает что-то говорить, Дамблдор добавил: — Что касается снятия очков, я не могу вас от этого освободить. Очевидно, профессор Макгонагл хочет, чтобы вы получили урок. Смотря на маленьких волшебников с бледными лицами и опущенными головами, Дамблдор сказал снова: — Однако вы смело изгнали «дракона», вторгшегося в школу, хотя процесс оказался сложным, и туалет колледжа был разрушен, я все равно хочу наградить каждого из вас 50 очками. Услышав слова Дамблдора, побежденные кружки снова подняли головы с восторгом и с надеждой глядели на него. Смотрев на возбужденных, Дамблдор сказал с улыбкой: — Вам не нужно избавляться от очков, но я считаю, что вас не следует освобождать от наказания. Профессор Макгонагл очень недовольна вами и хочет, чтобы вам снова за это было стыдно. Слова профессора Макгонагл, я не считаю хорошими ни для вас, ни для меня. Ладно, вы будете уведомлены о времени наказания, а теперь отправляйтесь назад! Услышав слова Дамблдора, Джулиан и остальные кивнули с облегчением, затем выдохнули, сказав: — Спасибо, профессор. Затем несколько человек вышли из кабинета директора. Все, кто покинул кабинет директора, вздохнули с облегчением. — Боже, мне казалось, что я чуть не задохнулся от этого. Подумать только, если бы Фред и Джордж и Перси узнали о том, что я и лишился 50 очков, они бы весь день надо мной смеялись и рассказали бы маме. О боже, я не хочу, чтобы мама на меня сердилась, как только я вернусь домой, — сказал Рональд с волнением. — Миссис Уизли наказывает тебя, Рональд, всегда? — спросила Гермиона с любопытством. — Конечно, я буду получать наказания, но это случается не так часто, потому что мама часто обращает внимание на Фреда и Джорджа. Их часто наказывают, и они получают серьезные упреки, — сказал Рональд с ужасом. — Могу себе представить, — серьезно ответила Гермиона, которая никогда не встречалась с миссис Уизли. — Не говори такие вещи о матери при других, Рональд, — сказал Джулиан Рональду. Затем Джулиан повернулся к Гермионе и сказал: — Хотя я и не общался с миссис Уизли долгое

время, насколько я знаю, она удивительная мать. Она и нежна, и строга, добра и смела. Лучшая мама на свете. — О, боже, Джулиан, ты говоришь о моей матери? Почему мне кажется, что я провел детство, только выслушивая ее упреки, — сказал Рональд, покраснев. Очевидно, Рональд не привык к тому, что Джулиан так расписывает его маму перед всеми. — Это потому, что вы все такие худые. Посмотрите на Фреда и Джорджа. Как они худы. Судя по тому, как они ведут себя в школе, они, должно быть, сильно злили миссис Уизли дома. Если бы не я перевел свое имя задом наперед, — сказал Джулиан. Услышав слова Джулиана, все кивнули с удовлетворением. Очевидно, они согласны с его мнением. Хотя плохо обсуждать своих одноклассников за их спиной, то, что сказал Джулиан, было совершенно справедливо — близнецы были слишком худыми. После небольшой паузы Джулиан снова сказал: — Я действительно завидую вам всем, у вас есть такая замечательная и хорошая мама, если бы у меня тоже была такая. После его слов наступила тишина, потому что они все знали, что Джулиан сирота и даже не знает имен своих родителей. — Не переживай, брат, моя мама станет твоей мамой в будущем. В любом случае, у меня так много братьев, и мне не жалко добавить еще одного. Я не думаю, что моя мама будет против иметь такого сына, как ты, умного и способного, — Рональд подошел к Джулиану и уверенно похлопал по его плечу. — Да, Джулиан, мы все твоя семья, не так ли? — сказала Гермиона с покрасневшими глазами. — Да, вы все моя семья. Я, Джулиан Уулис, поклялся здесь, что несмотря на любые трудности и преграды, которые могут возникнуть в будущем, я преодолею любые препятствия ради своей семьи, — сказал Джулиан с серьезным лицом. — Я, Рональд Уизли, тоже клянусь здесь, что буду защищать нашу семью до последнего. — Я, Гарри Поттер, тоже клянусь здесь... — Я, Гермиона Грейнджер... После того, как четверо произнесли свои клятвы, воцарилась тишина. В это время утренний золотистый солнечный свет освещал их четверых, создавая теплую и уютную атмосферу. Смотря на четырех перед ним, Малфой, казалось, хотел что-то сказать, но в конце концов остался безмолвным. — Семья, это замечательно, — подумал про себя Малфой.